

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Н. Ф. Котляр

О ВОЗМОЖНОЙ ПРИРОДЕ НЕТРАДИЦИОННОСТИ СТРУКТУРЫ И ФОРМЫ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Со времени открытия Галицко-Волынского свода Н. М. Карамзиным ученые не раз отмечали его своеобразность, значительное отличие от других памятников летописного жанра. Карамзину принадлежит немало ценных наблюдений над текстом свода, он первым отметил, что хронологическая сетка (как и разбивка на погодные статьи) была грубо, с большими ошибками позднее приставлена к Ипатьевскому списку (ученый знал и Хлебниковский список, в котором деление на статьи и даты событий, как известно, отсутствуют)¹. Необычность Галицко-Волынской летописи подчеркнул и К. М. Бестужев-Рюмин; он указал на ее большое своеобразие, отличающее памятник от традиционных летописных сводов, в частности отметил ее более стройную композицию, слитность изложения, а среди ее источников назвал отдельные повести (о Калкской битве, нашествии Батыя, смерти Владимира Васильковича)².

По поводу Галицко-Волынского свода М. Д. Приселков написал, что «памятник этот представлял собою историческое повествование без обычной для других политических центров Руси летописной сетки годов»³. В следующей работе ученый предположил, что редактор конца XIII в. перекомпоновал текст Галицко-Волынского свода, чтобы придать ему хронологическую последовательность и выделить погодные статьи. Но замысел этого возможного редактора остался неосуществленным, и хронологическая сетка была приложена к тексту только в XIV в. в Ипатьевском списке⁴.

Впервые отдельные повести в составе Галицко-Волынского свода выявил и выделил Л. В. Черепнин. Он посвятил свое исследование первой из двух основных частей памятника, названной им Летописцем Даниила Галицкого. Впервые в науке ученый определил структуру и состав Летописца, истолковал его не как обычный и традиционный свод погодных записей, а как композиционно целостное сочинение, отразившее историю Галицко-Волынской Руси эпохи князя Даниила. Черепнин отметил наличие нескольких повестей в составе Летописца⁵, что открыло новое направление в дальнейших штудиях Галицко-Волынского свода вообще. В своем основательном и тщательном исследовании этого

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. Т. I. С. XVI; Кн. 1. Т. III. Примечания к 3 тому. Стб. 52. Прим. 113.

² Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 151–157.

³ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 291 (впервые книга издана в 1940 г.).

⁴ Приселков М. Д. Летописание Западной Украины и Западной Белоруссии // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. № 67. Серия исторических наук. Л., 1941. Вып. 7. С. 5–24.

⁵ Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. № 12. 1941. С. 241.

свода В. Т. Пашуто принял мысль Черепнина о том, что среди его источников были летописные повести, но не думал, что какие-либо из них были непосредственно введены в свод⁶.

Предположение Черепнина о включении составителями и редакторами в текст Галицко-Волынского свода отдельных повестей навело меня на мысль о том, что, возможно, этих повестей в нем гораздо больше и что именно они определили жанр, состав и структуру памятника. В процессе изучения свода я пришел к выводу, что этот памятник в целом состоит из отдельных повестей, соединенных между собой позднейшими составителями и редакторами.

В составе основных повестей Галицко-Волынского свода (Начальной, О собирании Даниилом волынской отчины, Антиордынской, Об отношениях с Литвой и др.) содержатся меньшие по объему, обычно разрывающие ткань этих больших повестей, а сами эти малые произведения оказываются также разделенными и помещенными в разных местах больших. На мой взгляд, это было сознательно сделано давними книжниками по двум причинам. Первая — дабы создать картину повествования адекватной исторической действительности, когда одновременно развивалось несколько различных по характеру, содержанию и значению процессов и явлений, а события причудливо переплетались между собой. Вторая — чтобы все же придать произведению вид традиционной, «настоящей» летописи. Вероятно, галицкие и волыньские книжники понимали непривычность для читателей написанного ими. С этой же целью кем-то из позднейших редакторов была довольно неуклюже приставлена хронологическая сетка к Ипатьевскому списку нашей летописи с произвольным и часто неверным разделением текста на погодные статьи.

Как известно, Галицко-Волынский свод разделяется на две не равных по объему и различных по характеру части: Летописец Даниила Галицкого (1205—1258) и Волынскую летопись (1259—1290). Полагаю, что существуют основания отказаться от взгляда на этот свод как на череду погодных статей, объединенных затем в свод и обработанных составителями и редакторами. Перед нами иное, структурно совершенное историко-литературное произведение, раскрывающее историю края и всей Юго-Западной Руси.

В результате исследований текста Галицко-Волынского свода мною предложена следующая структура памятника. Первая из двух основных его частей — Летописец Даниила Галицкого — состоит из нескольких больших и малых повестей. Она открывается Начальной Галицкой повестью, начинающейся словами: «Велику мятежу въставшю въ земли Руской, оставившима же ся двѣма сынома его...»⁷ — речь идет о событиях после гибели Романа Мстиславича в Польше летом 1205 г.

Завершающая этот Летописец Повесть о борьбе Даниила против ордынского ига начинается энергично и стремительно: «Приславшю же Могучѣвѣ посоль свой къ Данилови и Василку, будущю има в Дороговьску: “Дай Галичъ!”»⁸. Это случилось, вероятнее всего, осенью того же 1245 г., когда Даниил выиграл решающую для судеб его княжества битву возле г. Ярослава. Так же, как и все предыдущие, эта Повесть неоднократно перебивается вставками меньших повестей об отношениях Романовичей с западными соседями: Венгрией и Польшей, Литвой и ятвягами. Особенной «повестью в повести» видится подробно поведенная авторами история об участии Даниила в соперничестве за австрийское наследство (1252—1253 г.), также разорванная текстами иного содержания.

Подобно Летописцу Даниила Галицкого, Волынская летопись сохранилась не полностью: в ней также отсутствуют начало и конец. После окончания Летописца идет текст: «По семь же минувшима двѣма лѣтома»⁹, а далее рассказ сосредоточивается вокруг фигуры младшего брата Даниила князя Василько. Эту первую часть Волынской летописи можно назвать Летописцем Василько Романовича.

⁶ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 17—133. Более подробный историографический обзор темы см.: Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997. С. 80—85.

⁷ Галицко-Волыньский літопис. Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 77 (издан Хлебниковский список Галицко-Волынской летописи, наиболее близкий к архетипу).

⁸ Там же. С. 109.

⁹ Там же.

Сохранившаяся часть *Летописца Василько* начинается со слов: «И бысть тишина по всей земли. В тыа же дни веселе бысть у Василка князя у Володимери городъ: нача отдавати дъщерь свою Олгу за Андрѣа князя за Всеволодича к Чернѣгову»¹⁰. Запись относится к осени 1259 г. Согласно моим наблюдениям, *Летописец Василько* состоит из двух больших повестей: о Бурундаевой рати и об отношениях с Литвой. Повесть о Бурундаевой рати отличается стройностью и целостностью, ни разу не перебиваясь вставками иного содержания, что представляется обыкновенной вещью почти во всех повестях, из которых сформирован *Галицко-Волынский свод*. Однако текст Повести об отношениях с Литвой, начинающейся с событий лета 1262 г., уже неоднократно прерывается рассказами о событиях внешнеполитической жизни: съезде русских и польских князей в Тернаве 1262 г., связях с Польшей, а также волыньских делах и смерти Даниила, последовавшей в 1264 г.

Завершается *Летописец Василько Романовича* известием о его смерти в 1269 г. *Волынский книжник* почему-то не создал панегирика своему герою. По моему мнению, этот панегирик существовал, но был утрачен при последующих редактированиях и неоднократных перегруппировках текста. Дальше начинается следующая составная часть *Волынской летописи*: *Летописец Владимира Васильковича*, открывающийся словами: «И по немъ (Василько. — Н. К.) нача княжити в него мѣсто сынъ его Вѣлодимерь...»¹¹

Создатель *Летописца Владимира Васильковича* ставил перед собой ту же цель, что и составители *Летописцев Даниила и Василько*: возвеличение князя и его деяний. Однако написанное им произведение по форме и содержанию намного больше, чем предыдущие части *Галицко-Волынского свода*, напоминает традиционную летопись. Он больше не представляет собой серию соединенных между собой повестей. Эти повести, а их в составе *Летописца Владимира* несколько, лишь использованы в жизнеописании этого волыньского князя как материал для написания авторского сочинения. И только описанию последних лет жизни героя посвящена особая Повесть о болезни и смерти Владимира Васильковича, которая без существенных изменений была включена в состав его *Летописца*¹².

Завершается *Галицко-Волынский свод* небольшим фрагментом *Летописца Мстислава Даниловича*, которому не имевший сыновей Владимир Василькович завещал свое Владимиро-Волыньское княжество. Из-за неудачных перестановок позднейшими редакторами и составителями начало этого *Летописца* оказалось в середине сохранившегося его фрагмента, уже после рассказа о начале правления Мстислава во Владимире: «Князь же Мѣстиславъ сѣде на столе брата своего Володимеря...»¹³ *Летописец Мстислава* обрывается на событиях 1289—1290 г.¹⁴

Как я думал ранее, *Галицко-Волынский свод XIII в.* столь сильно и принципиально отличается от летописей потому, что в *Галицкой и Волынской землях* в предшествующем, XII в., совсем не велось летописание. Ведь известия галицкого и волыньского содержания, содержащиеся в *Киевской летописи XII в.*, не обязательно были заимствованы из соответствующих земельных летописей (как обычно думают летописеведы). Они могли создаваться, например, со слов галицких и волыньских информаторов. Вместо этого в *Галицко-Волыньской Руси* уже с середины XII в., вероятно, развивался иной, не летописный, литературный жанр светских исторических повестей, посвященных местным князьям.

Следовательно, есть основания предполагать, что *Галицко-Волыньский свод* стал своеобразным продолжением и развитием особой, присущей *Галицко-Волыньской Руси* литературной традиции написания исторических повестей, заменявших там обычную летопись. Если это так, то перед нами явление вовсе не исключительное в древнерусской письменности XII—XIII в. Как известно, такие повести присутствуют и в других летописных сводах, в частности *Киевском XII в.* и *Суздальском XII—XIII в.*

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 131.

¹² Там же. С. 147—150.

¹³ Там же. С. 151.

¹⁴ Там же. С. 156.

Далеко не все филологи и историки признают существование особых повестей в составе летописных сводов. Наиболее красноречивое тому доказательство — изданные В. П. Адриановой-Перетц «Воинские повести Древней Руси», среди которых тщетно искать сочинения этого жанра, находящиеся в составе летописей. В сборник включены лишь повести, существующие вне летописных сводов: «Повесть о разорении Рязани», «Слово о Куликовской битве Софрония Рязанца» и Повести об азовском взятии и осадном 1642 г. сидении»¹⁵. В написанном В. П. Адриановой-Перетц «Послесловии» летописные повести даже не упоминаются.

Между тем, еще в книге о русском летописании, написанной в 60-х годах XIX в., К. Н. Бестужев-Рюмин высказал по тем временам смелую и перспективную в плане дальнейших исследований мысль, что в составе Киевского свода XII в. существуют «отдельные сказания (т. е. повести. — Н. К.), которые сохранились, как можно предполагать, или в целости или в отрывках»¹⁶. Ученый рассмотрел и лапидарные, краткие повести в составе Киевского свода, и крупные, среди них — основную повесть об Изяславе Мстиславиче, киевском князе в 1146—1154 г. (с перерывами). Часть этих повестей, по мнению Бестужева-Рюмина, написана военным человеком (точно так же, как и среди составителей Галицко-Волынского свода преобладают военные люди). Сквозь осторожные замечания Бестужева-Рюмина проступает, как мне кажется, главная мысль: чуть ли не весь Киевский свод состоит из «сказаний».

Воинским повестям посвятил несколько основательных работ знаменитый литературовед А. С. Орлов. Он рассмотрел их с позиций филолога, уделив основное внимание литературным приемам сочинителей, изобразительным средствам и композиции произведений. Исследователь утверждал, что «воинские повести составляют отдельный литературный род, который выработал себе целую группу постоянных формул». Орлов отметил, что в выработке литературного шаблона воинских повестей «громдную роль играли летописные своды»¹⁷. Он подробно исследовал общие для преобладающего большинства повестей стереотипные выражения: «сеча зла», «лом копейный», «кровь лилась» и пр., придя к выводу, что «пользование стереотипным шаблоном... есть общее свойство средних веков». Средневековой жизни был присущ строгий консерватизм, который, по его мнению, способствовал сохранению и передаче этих шаблонов¹⁸.

В более позднем сочинении Орлов рассмотрел воинские повести в связи с дружинной поэзией, утверждая, что «воинская среда, очевидно, имела свою литературу, отличную от летописной школы», которая базировалась на устной поэзии. Она была устной и по происхождению, и по бытованию. Важен вывод ученого о том, что воинская поэзия обладала собственным оригинальным способом выражения, блески которого попадали в летопись. Обратившись к «Слову о полку Игореве», источником которого, по его мысли, была дружинная поэзия, Орлов настаивал на сходстве героической песни с Галицко-Волынской летописью, также возникшей, на его взгляд, в дружинной среде¹⁹. Для темы моей работы важны наблюдения ученого над Галицко-Волыньским сводом, в особенности над воинскими повестями в его составе.

Серьезный шаг на пути выявления и исследования повестей в структуре Киевской летописи был сделан М. С. Грушевским. В своей «Истории украинской литературы» (к которой он легко причислял всю древнерусскую) ученый скептически отнесся к мнению о целостности Киевского свода и поставил перед собой задачу выявить в его тексте дружинные повести, имеющие особенно важное значение. Он отметил сложность выявления этих повестей в источнике, поскольку «дружинная повесть теряется в общей массе летописи, расплывается в серой массе летописных записок»²⁰.

¹⁵ Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949.

¹⁶ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 77.

¹⁷ Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (до конца XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Кн. 4. Отд. 1. С. 1.

¹⁸ Там же. С. 50.

¹⁹ Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1944. С. 26—27, 36—39.

²⁰ Грушевський М. С. Історія української літератури. Київ, 1993. Т. III. С. 5 (первое издание — Киев, 1923).

Вообще же, по мнению Грушевского, Киевская летопись вовсе не представляет интереса в литературном отношении, являясь механической компиляцией, написанной стандартным языком. Приходится удивляться отсутствию литературного вкуса у историка: ведь Киевский свод относится литературоведами к вершинам средневековой древнерусской литературы. Он восхищается глубиной и яркостью изложения. Но в этих его словах скрывается важная мысль: Киевская летопись является собранием дружинных повестей, соединенных сугубо летописными, погодными записями.

На примере повести об Изяславе Мстиславиче Грушевский рассматривает дружинную повесть как историко-литературный памятник. Впрочем, для нее он делает исключение из общей осудительной оценки Киевского свода, считая ее наиболее ценной частью источника, одним из лучших произведений старой литературы и культуры, нуждающихся в исследовании²¹. В этой непоследовательности оценок — весь Грушевский, в сочинениях которого, прежде всего исторических, множество противоречий, противоположных взглядов на один и тот же источник, разноречий в оценке личностей, фактов, событий и явлений. При этом его труды были и остаются ценными и продолжают жизнь в науке наших дней.

Грушевский приходит к важной мысли, что дружинный стиль — особая манера жанра, это не свойство одного лишь автора повести об Изяславе. Он аргументированно утверждал, что дружинный (воинский) стиль отразился на содержании, форме, изобразительных приемах авторов повестей. Даже в посмертных панегириках князей-Ростиславичей «дружинная нота сильнее церковной». Сказанное относится ко всей Киевской летописи в целом: политическое, княжеско-дружинное содержание преобладает, по его мнению, над церковным элементом²².

Повесть об Изяславе, на взгляд Грушевского, не имеет себе равных как «документ жизни», дает «несравненный образ современной жизни княжеско-дружинного слоя», его интересов, господствовавших идей и настроений этого маленького мирка. Эта повесть представляет собой «кодекс морали, пропагандируемый дружинной поэзией и дружинной повестью»²³. С этими словами трудно не согласиться.

Грушевский в своей «Истории украинской литературы» немало страниц посвятил и Галицко-Вольнской летописи²⁴. Он признавал наличие повестей в ее составе, но не специально рассматривал их, ограничившись замечанием в рассказе о Киевской летописи, что в первой трети XIII в. в русской книжности сохраняются остатки дружинных повестей²⁵.

Литературовед И. П. Еремин в статье о Киевской летописи не обошел вниманием находящиеся в ее составе повести. Он заметил, что летописная повесть, в отличие от летописного рассказа, всегда выдержана в рамках определенного литературного стиля. Действительность отражается в ней в «условных контурах» абстрактного, антиреалистического метода. Ученый предположил, что «зерном, из которого повесть как жанр выросла и сформировалась, является запись, сообщающая о смерти того или иного князя»²⁶ — мысль, на мой взгляд, спорная. Вероятно, у истоков летописной повести могли стоять и записи иного рода, в частности о подвигах героя, как это наблюдается в повестях о Данииле Галицко-Вольнского свода. Еремин отмечает, что Киевская летопись содержит свидетельства того, как совершался переход погодного известия в повесть, и приводит примеры этого. Ученый предлагает свои соображения по поводу механизма подобного перехода. Подобно Орлову, Еремин пишет о шаблоне при составлении повестей, в складывании которого, наряду с прочими факторами, важнейшую роль сыграл агиографический канон. Отказывая летописной повести в реалистичности отражения действительности, ученый все же отмечает элементы документальности в ней, пробивающиеся сквозь условности стиля и канона²⁷.

²¹ Там же. С. 12.

²² Там же. С. 23, 34 и др.

²³ Там же. С. 34, 36, 38.

²⁴ Там же. С. 132–187.

²⁵ Там же. С. 69.

²⁶ Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. Л., 1949. Т. VII. С. 82.

²⁷ Там же. С. 94.

Особенности стилистики и характера отражения действительности воинских повестей Еремин определил в позднейшей работе теоретического характера. Он уточнил свое прежнее мнение о нереалистичности летописания в целом: не следует думать, пишет ученый, что писатель принципиально отказывался от изображения жизни, новая средневековая литература была литературой дореалистической. При этом, признавал ученый, в повестях отразилось все многообразие действительности (войны, международные отношения, деятельность князей, церковные дела и др.²⁸.

Плодотворным представляется обращение выдающегося историка Б. А. Рыбакова к Киевской летописи и повестям в ее составе (он порой называет эти повести летописями, сводами, но принципиально это ничего не меняет в его оценках). Основное внимание ученый, подобно своим предшественникам, сосредоточил на повести об Изяславе Мстиславиче, которую он справедливо считает выдающимся произведением древнерусской литературы. Рыбаков поставил перед собой задачу выяснить количество авторов Киевского свода, распределить между ними части текста, а также определить политические симпатии и антипатии этих писателей, рассмотреть хронологический диапазон и стилистические особенности их работы²⁹.

Ученый, подобно многим своим предшественникам, высоко оценивает Повесть об Изяславе Мстиславиче (называя ее летописью). Он приписывает ее ближнему боярину Изяслава Петру Бориславичу, — дипломату, которому киевский князь поручал различные трудные миссии, в частности переговоры с галицким государем Володимирком Володаревичем о возвращении порубежных киевских земель, полученных тем от Юрия Долгорукого. Рыбаков высоко оценивает литературный талант Петра Бориславича, который в повести, «представляющей (за вычетом вставок) почти непрерывное повествование... использует самые разнообразные формы фиксации событий; в его летописи находим стратегическую обрисовку кампаний, дневники походов, записи княжеских съездов и боярских дум, посольские отчеты, выдержки из дипломатической переписки и мастерски составленные характеристики друзей и врагов»³⁰. То же самое я мог бы сказать о повестях, составляющих Галицко-Волынскую летопись.

Замечу, что и Рыбаков, и его предшественники, сосредоточив внимание на Повести об Изяславе Мстиславиче, рассматривали и другие повести, входящие в состав Киевского свода или послужившие источниками при его составлении. Но в моем исследовании будет в основном рассматриваться эта повесть — и сравниваться с повестями, составляющими Галицко-Волынскую летопись.

Несколько слов о повести в составе летописи и особенностях, отличающих ее от собственно летописи. Соглашаясь с приведенными мнениями по этому поводу моих ученых предшественников, замечу, что вопрос о том, чем являются повести в составе Киевского и Галицко-Волынского сводов — повестями или отдельными летописями — вовсе не терминологический, как может показаться при чтении посвященных обоим источникам работ. Между повестями и летописями (в составе сводов) существует большая и принципиальная разница.

На мой взгляд, в традиционной летописи погодный, постатейный рассказ связывает руки составителю, вынуждает его разделять и дробить свой текст, даже если в основе статейной записи и лежит целостный рассказ. Повести же, напротив, присуще связанное и слитное повествование, а даты и разбивка ее на погодные статьи в большинстве случаев представляют собой дань традиции. Это особенно наглядно видно в Ипатьевском списке Галицко-Волынского свода, когда распределение текста на статьи и проставление дат выполнялись через одно—два столетия после составления протографа, и делалось это без учета смысла и композиции рассказа той или иной повести, что, кроме прочего, приводило к хронологическим ошибкам³¹.

Действие повести сосредоточивается вокруг главного героя намного больше и сильнее, чем это происходит в летописи. Эмоциональность рассказа повести обычно также выше летописного. Повесть

²⁸ Еремин И. П. О художественной специфике древнерусской литературы // Русская литература. 1958. № 1. С. 75—81.

²⁹ Рыбаков Б. А. Боярин-летописец XII в. // История СССР. 1959. № 2.

³⁰ Там же. С. 66.

³¹ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись. С. 85 и др.

от летописи отличают также свойственные ей художественные средства, разнообразная и изобретательная лепка образа героя.

Повести же, выделяемые учеными в составе Киевского свода, по моему мнению, являются вовсе не его источниками, переработанными затем и составившими основу текста (как многие думали ранее), а его **составными частями**, соединенными между собой отдельными краткими погодными статьями. Солидарен поэтому с близкими по смыслу мыслями, высказанными моими предшественниками (Бестужевым-Рюминым, Орловым и Грушевским).

Уже при беглом знакомстве с повестями, входящими в состав Киевского свода, не может не броситься в глаза их типологическое сходство с аналогичными повестями, составляющими летопись Галицко-Волынскую. Сходными представляются также изобразительные средства, композиция, приемы авторов, направленные на эмоциональное воздействие на читателя. Нагляднее всего продемонстрировать это на образах героев главных повестей сводов: Повести об Изяславе Мстиславиче в Киевской летописи и Летописце Даниила Романовича — в Галицко-Волынской. Образы основных персонажей представляют особенный интерес при исследовании летописных повестей с позиций историка. Поэтому, как мне кажется, нагляднее всего проследить типологическое сходство обеих повестей, рассматривая их главные фигуры.

Отмечу, что повести в составе Галицко-Волынского свода более эмоциональны, их композиция более совершенна, чем в повестях Киевской летописи. Ведь повести Киевского свода еще не полностью оторваны от летописного текста, а вот повести свода Галицко-Волынского, условно говоря, сами составляют такой текст. Наконец, герой повестей о Данииле гораздо более идеализирован, чем Изяслав в его повести. Сказанное в большей или меньшей степени относится и к прочим повестям в составе обоих сводов.

Слов нет, конечно же, и в летописном своде того или иного князя его фигура находится в центре повествования. Но рядом с ним действуют и другие персонажи, князья и бояре, временами они равноправны в рассказе, а то и заслоняют основного героя свода. В повести же герой является той осью, вокруг которой вертится колесо повествования. Однако тщетно искать между названными повестями полного сходства: например, в Повести об Изяславе герой действует зрелым человеком, в последние восемь лет жизни, на пике своей политической карьеры, тогда как Даниил в его Летописце впервые выступает маленьким мальчиком, в возрасте пяти лет.

И в той и в другой повести лепка образа князя начинается буквально с первых слов. Герой выступает уже на начальных страницах. Вот как в Летописце Даниила Галицкого начинает действовать малолетний княжич. В 1211 г. находившийся в эмиграции в Венгрии десятилетний Даниил был призван боярами Галича в князья. Они намеревались подчинить себе мальчика и править от его имени. К нему приехала из волынского города Белза мать Анна, дабы взять на себя управление княжеством. Но в планы боярских олигархов не входило подчиняться властной и энергичной княгине (такой рисует ее Летописец Даниила Галицкого).

В конце того же года «галичане же выпгнаша Данилову матерь из Галича». И здесь княжич впервые проявил характер: «Даниль же не хотѣ оставити матере своя». Когда один из бояр попытался отвести его коня в сторону, «он же измокъ мечъ и тя его, и потя конь подъ нимъ; мати же, возьмиши мечъ из руку, умолиши его остави в Галичи»³². Будущий государь, тогда еще десятилетний мальчик, показал боярам, что не собирается мириться с их произволом. Так, по крайней мере, полагал автор этого текста.

Нетрудно заметить фольклорные истоки этого рассказа, берущего начало, вероятно, в дружинной среде. Мотив малолетства персонажа (а перед приведенными словами сказано, что «Данилу же... тако младу сущю, яко и матере своя не позна» — в действительности же ему было десять лет, возраст, в котором затруднительно не узнать собственную мать!) чрезвычайно был популярен в летописных жизнеописаниях героев преданий и легенд — вспомним приуменьшение возраста Святослава Игоревича в рассказе Повести временных лет о взятии Ольгой Искоростеня в 945 г.

³² Галицко-Волынский літопис. С. 80–81.

Напротив, формальное начало Повести об Изяславе — его вмешательство в соперничество за киевский стол — нельзя назвать ярким. Более того, князь выглядит в этом летописном повествовании не слишком привлекательно: дает обещание тяжело больному киевскому государю Всеволоду Ольговичу признать его преемником брата Игоря, но сразу же нарушает его.

Недовольные решением Всеволода поставить в князья брата без согласия городской общины, киевляне (трудно сомневаться в том, что об этом позаботились агенты Изяслава Мстиславича) вдруг обращаются к этому сидевшему тогда в Переяславле Русском князю с призывом: «Ты наш князь, поѣди, Ольговичевъ не хотимъ бытии яко в задничии», после чего Изяслав объявляет своим сторонникам, что он стремится овладеть столом деда и отца своего, т. е. киевским³³. В этих словах он впервые формулирует идею «отчины», принадлежащей ему якобы по праву. На самом деле все было намного сложнее.

Основанная «рядом» Ярослава Владимировича 1054 г. система замещения княжеских столов по принципу родового старейшинства почти сразу же начала расшатываться действиями князей изгоев, которые не желали ждать времени, когда перемрут их дядья, законные преемники киевского и прочих государей, и стремились захватить столы по порядку «отчинного» наследования. Любечский съезд 1097 г. вовсе не узаконил «отчинного» порядка, как принято считать в историографии, он лишь закрепил status quo: на нем лишь было позволено некоторым князьям «держатъ» отчины³⁴. И в дальнейшем господствующим остался родовой порядок замещения столов, принцип «лествичного восхождения». Тем не менее, к середине XII в. система родового старейшинства, надо думать, изжила себя. По мере размножения Рюриковичей отношения родства запутывались, все труднее было определять генеалогическое старшинство, отделять его от старшинства физического. Так, Изяслав Мстиславич был по годам старше своего дяди Юрия Долгорукого. Поэтому не приходится удивляться, что этот амбициозный внук Владимира Мономаха первым выступил против установленного порядка замещения киевского стола³⁵. В. О. Ключевский отметил, что Изяславу Мстиславичу принадлежит афоризм: «Не место идет к голове, а голова к месту», тем самым он поставил личностное значение князя выше права старшинства³⁶.

Не думаю, впрочем, что Изяслав Мстиславич стремился вообще ликвидировать давний порядок родового старейшинства наследования княжеских столов. Киевская летопись свидетельствует, что он все же признавал старейшинство Долгорукого³⁷. Вероятнее всего, Изяслав добивался для себя киевского стола, ссылаясь на свое «отчинное» право, — и не более того. В ходе кровопролитной войны за Киев и Южную Русь Изяслав Мстиславич сознает верховенство — родовое старейшинство Юрия и его брата. Он опирается на буферную фигуру Вячеслава Владимировича, провозглашает его киевским князем, сохраняя власть в собственных руках. Это и определило в конечном счете победу Изяслава над Юрием Долгоруким в 1151 г. — и не только на поле брани, но и в умах правящей верхушки, князей и бояр. Но вернусь к теме моего повествования.

Преодолев, по-видимому, собственное ощущение незаконности совершенного, Изяслав Мстиславич с той поры всячески отстаивает мысль о принадлежности ему Киева и южной Русской земли в качестве отчины. Эта мысль последовательно проведена автором Повести на всем ее протяжении. Далее я более подробно остановлюсь на этом. Попутно замечу, что идея отстаивания отчины, защиты ее от внешних и внутренних врагов принадлежит и к доминантам Летописца Даниила Галицкого.

Изяслав предстает в Повести сильным и целеустремленным человеком. Он преодолевает несчастливые обстоятельства, постоянно бьется с превосходящим его по силам врагом, он храбр, мужествен, стоек в бою, он полководец, стратег и дипломат. Наконец, он — государь, постоянно пекущийся о судьбах родины, своих бояр и дружинников, всего народа. Поэтому он опирается на народную поддержку.

³³ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 229–230.

³⁴ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 230–234.

³⁵ Там же. С. 191.

³⁶ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. I. С. 191.

³⁷ Изяслав доверительно говорил сыну Юрия Ростиславу: «Всихъ насъ старѣй отецъ твой, но с нами не умѣть жити...» (Летопись по Ипатскому списку. С. 257).

Народ в Повести персонифицируется в киевлянах, точнее — в киевском вече. Повествователь постоянно дает понять читателю, что Изяслав милее киевлянам, чем Долгорукий, хотя они в общем-то отдают предпочтение Мономашичам перед Ольговичами.

Из летописи известно, что в течение первых пяти лет своего киевского княжения Изяслав то овладевал Киевом, то терял его в соперничестве с Юрием Долгоруким. Но и в условиях этой нестабильности он вскоре после занятия киевского стола показывает себя государем, хозяином Русской земли. Изяслав понимал важность идеологической поддержки своего княжения, опирался на церковь и в 1147 г. самовластно, без санкции константинопольского патриарха, «постави... митрополитомъ Клима Смолятича... бѣ бо черноризецъ, схимникъ, и бысть книжникъ и философъ, такъ якоже в Русской земли не бѣшетъ»³⁸. Этими восторженными словами в адрес Клима автор повести одобряет выбор Изяслава, свидетельствует о важности происшедшего, главное же — соглашается с поступком своего князя, расколовшим стан русских епископов и приведшим в дальнейшем к напряжению в церковных делах.

Как подлинный государь, Изяслав Мстиславич раздает «части» в Южной Руси: из сообщения повести под 1147 г. узнаем, что тогдашний глава черниговских Всеволодовичей Святослав «держаше у Изяслава Божьски и Межибужье, Котелницю, а всех пять городовъ»³⁹. Этот комплекс из пяти городов на северо-западном рубеже Киевской земли киевские князья будут давать в «причастие» и во второй половине XII в. Подобная практика берет начало во времена княжения Изяслава Мстиславича.

Даниил Романович Галицкий проявляет талант и умение государственного мужа, как следует из Повести о нем, уже по достижении 18-летнего возраста. Молодой князь решил, что настал час отвоевания волынской «отчины», стола его отца Романа Мстиславича. Но он начал борьбу не только за утраченные земли, но и за восстановление созданного отцом Галицко-Волынского великого княжества. В то время княжеский стол Галича занял приглашенный боярами Мстислав Мстиславич Удатный (из смоленской династии Ростиславичей). Даниил решил до времени не претендовать на галицкое княжение, а заключил союз с Мстиславом, женившись на его дочери Анне⁴⁰. Он рассчитывал на помощь тестя в отвоевании Волыни. Однако его расчет оказался ошибочным.

Даниил не учел того, что ради занятия Галича Мстислав подписал союзный договор с краковским князем Лешекем Белым и отказался помочь зятю, ссылаясь на этот договор: «Сыну! За пръвую любовь не могу на нь вѣстати, а налѣзе собѣ друты». Тогда Романович принимает смелое и рискованное решение — атакует краковского князя и отнимает у него захваченные незадолго перед тем западные земли Волынского княжества⁴¹. Тесть не решился помешать ему, а войско Лешека потерпело поражение в яростной схватке с полками Даниила.

Ярко проявился государственный талант Даниила в многолетней борьбе за овладение Галичем и Галицкой землей, которые он стремился воссоединить с Волынью. После смерти Мстислава (1228 г.) он не был более связан союзом с ним и принялся отвоевывать столичный град Галицко-Волынского княжества. Почти все 30-е годы XIII в. прошли в ожесточенном соперничестве с венгерским королем и галицкими боярами, в ходе которого Даниил Романович не раз входил в Галич — и вскоре вынуждался боярами оставить его. Наконец, в 1238 г. он был вновь призван на княжение галицким вече. Подъехав к городу, государь обратился к горожанам с пламенной речью: «О, мужи градъстии! Доколѣ хотите трѣпѣти иноплемьныхъ князей⁴² дрѣжаву?»⁴³ И горожане посадили Даниила на стол.

В августе 1245 г. Даниил и Василько Романовичи дали решающее сражение боярской марионетке и ставленнику венгерского короля Ростиславу Михайловичу, в последний раз попытавшемуся захватить

³⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 241.

³⁹ Там же. С. 243.

⁴⁰ Галицко-Волынский літопис. С. 82.

⁴¹ Там же.

⁴² Ростислав принадлежал к черниговской династии Ольговичей и пришел на Галицкий стол издалека.

⁴³ Галицко-Волынский літопис. С. 98—99.

Галич. Наемное войско Ростислава и отряды враждебных Романовичам бояр была разгромлены у стен галицкой крепости Ярослава, после чего Даниил расправился с боярскими предводителями и венгерским воеводой Фильнием, чинившим насилия над горожанами и селянами. Эта битва подвела черту под сорокалетней борьбой Даниила с феодальной оппозицией, стремлением Венгрии и Польши превратить Галичину и Волынь в свои провинции. Галицко-Волынское княжество было восстановлено.

Даже в исключительно неблагоприятных ситуациях, когда на кону стояла не только политическая судьба, но и сама жизнь, Даниил Романович проявлял самообладание и государственный ум. После монгольского завоевания Руси ее князья один за другим ездили в Орду, дабы заручиться расположением Батыея и получить «ярлык» (право княжения) на собственные земли. Даниил долгое время отказывался отправиться на поклон к хану. Но после победы в Ярославской битве и резкого повышения его авторитета наместник Батыея на юге Мауци (летописец называет его «Могучий») прислал к Даниилу посла с требованием «Дай Галич!». Как пишет автор Повести, тот «дума съ братомъ своимъ, поеха къ Батыеву, рече: “Не дамъ полуотчины своя, но еду къ Батыеву самъ”»⁴⁴.

Летописец Даниила Галицкого рисует своего героя не только мужественным, но и осмотрительным человеком. Современник событий, папский посол в Монголии Плано Карпини сообщает, что предварительно Василько Романович посылал своих людей в Сарай, и те вернулись с охранной грамотой для его брата⁴⁵. И все же Даниил отправился в Орду с тяжелым сердцем, его томили недобрые предчувствия... Не стоит искать в летописи каких бы то ни было подробностей его встреч и переговоров с монгольским ханом. Известно, что люди суздальского князя Ярослава Всеволодича провоцировали его в Сарае не подчиниться монгольским языческим обычаям⁴⁶, но Даниил не поддавался на их уговоры и вел себя осмотрительно: решалась судьба его страны, и он не мог позволить себе действовать спонтанно.

На приеме у Батыея, согласно рассказу Летописца, Романович вел себя мужественно и с достоинством, не раздражая хана. Батыею, вероятно, понравился умный и бесстрашный русский князь, он проявил расположение к нему (прислал вина, великодушно сказав, что тот не привык к кумысу) и утвердил его государем Галицко-Волынского княжества⁴⁷. А отказавшийся выполнить языческий обряд черниговский князь Михаил Всеволодич был зверски растерзан людьми Батыея, увидевшего в его поступке гордыню и нежелание служить ему. Так ценой унижения Даниил Романович сохранил свои земли и власть, что позволило ему в дальнейшем собраться с силами для отпора монгольским военачальникам.

Как и Мстислав, Даниил опирается на народ, автор его Летописца изображает князя любимцем горожан. Вот как описывает Летописец радость жителей Галича, встречавших въезжавшего в город в 1238 г. государя: «Они же въскликнувшє рѣша, яко: “Се естъ дрѣжатель нашъ, Богомъ данный” — и пустишася яко дѣти къ отцу и яко пчелы к матцѣ, яко жажуци воды къ источнику»⁴⁸.

На Руси особенно ценились военные способности государя, его полководческое умение и личные мужество и храбрость. В этом легко убедиться, листая страницы летописей. В Повести об Изяславе князь постоянно выступает как храбрый рыцарь. Уже в ее начале летописец заявляет, что он «бѣ бо храборъ, крѣпокъ на рать»⁴⁹, постоянно подтверждая эти слова по ходу рассказа. Кажется, наиболее яркий эпизод, иллюстрирующий храбрость и воинский азарт Изяслава, приведен сочинителем Повести в описании решающего сражения за Киев между его войском и силами Юрия Долгорукого.

Сеча была особенно яростной, в ней решалась судьба киевского стола и общерусской власти. Ожесточение достигло крайней степени, уж если ратники решились убить русского князя, словно половецкого хана. Повествователь любит удачью и смелостью своего героя, которому в то время было около 60 лет: «И тако передъ всеми полкы въѣха Изяславъ одинъ в полкы ратныхъ, и копьє свое

⁴⁴ Там же. С. 109.

⁴⁵ Карпини Плано Иоанн де. История монголов. СПб., 1911. С. 44.

⁴⁶ «Братъ твой Ярославъ кланялся кусту, и тобѣ кланятися!» (Галицко-Волыньскій літопис. С. 109).

⁴⁷ Галицко-Волыньскій літопис. С. 109.

⁴⁸ Там же. С. 98–99.

⁴⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 238.

изломи; и ту сѣкоша ѿ в руку, и въ стегно и бодоша, и с того летѣ с коня». Раненого князя, лежавшего на поле брани в шлеме, закрывавшем лицо, не узнали собственные ратники и чуть не убили его. При этом они знали, что перед ними русский князь! Лишь когда Изяслав снял шлем и назвал свое имя, его подняли с земли⁵⁰. Сражение принесло победу Изяславу Мстиславичу.

В другом рассказе этой Повести сообщается, как, невзирая на численное превосходство сил Юрия, «Изяславъ же с братомъ своимъ Ростиславомъ всегда хотяшеть противу имъ битися», но дружинники, киевляне (вероятно, ополченцы) и черные клобуки всячески удерживали своих князей от этого⁵¹.

Герой Повести воодушевляет своим примером дрогнувших воинов. В ходе неудачно складывавшегося для Изяслава сражения с галицким князем Владимирком киевляне и черные клобуки, бывшие в составе его войска, потребовали от него отступления. Но Изяслав воскликнул: «Луче, братъе, измрѣмъ сде, нежели сей соромъ възмемъ на ся»⁵². Впрочем, отступить все же пришлось.

Вообще же Изяслав предстает в летописной Повести о нем как человек афористичный, умеющий вовремя сказанным словом поднять своих воинов на битву. Во время ожесточенной схватки с войском Долгорукого у врат Киева воины советовали Изяславу подпустить врага поближе, а уж там биться с ним. Изяслав с юмором и образностью молвил: «Да же ны Богъ поможетъ, а ся ихъ отобьемъ, то ти не крилати суть, а перелетѣвше за Днѣпръ сядуть же, и оже ся уже поворотить отъ насъ, а тогда како ны Богъ дасть с нимъ»⁵³.

Вершиной же афористичности князя следует считать знаменитое его высказывание по поводу поражения, понесенного венграми от галицкого князя Владимирка и трусливого поведения в том эпизоде его сына Мстислава: «Тогда же Изяславу приде вѣсть къ Киеву, оже сынъ его побеженъ⁵⁴, а угре избити, и рече слово то, якоже и переже слышахомъ: “Не идеть мѣсто къ головѣ, но голова к мѣсту”»⁵⁵. Подчеркнутые мною слова свидетельствуют о том, что это выражение было излюбленным у киевского государя.

Можно думать, что главное достоинство Изяслава Мстиславича в глазах составителя Повести — его полководческое искусство, его военное счастье. В качестве умелого воеводы он выступает на страницах Киевского свода уже в самом ее начале. Тогда, в 1146 г., Игорь Святославич не смирился с решением киевской общины предпочесть ему на престоле Изяслава, его не смутила измена двоюродных братьев-Давидовичей, и он решается дать сражение конкуренту. У валов Киева и произошла ожесточенная битва.

Изяслав умело воспользовался несогласованностью действий Игоря, его брата Святослава и племянника Святослава Всеволодича. Когда их полки стеснились возле Надова озера, Изяслав нанес первый удар, он велел верной ему коннице берендеев атаковать и рубить их. Молниеносный удар кочевнической конницы был настолько силен, что силы черниговских князей оказались разобщенными и побежали. Игорь был схвачен и отправлен в монастырь, а берендеи «идоша до нихъ до Вышегорода и до Днѣпра, до устья Десны и до перевоза до Киевьского, сѣкуще я, а другыя в водѣ избиваху, и многимъ падение бысть»⁵⁶.

Немного позднее, в том же 1146 г., Изяслав Мстиславич выступает на страницах Повести уже как опытный и уверенный в своих силах военачальник, глава коалиции князей, боровшихся против Святослава Ольговича, брата Игоря. Он сумел разобщить чернигово-северских князей, привлек на свою сторону Давидовичей. Составитель Повести рисует Изяслава и как стратега, разработавшего план кампании: «Томъ же лѣтѣ ходи Изяславъ къ Давыдовичема на снемъ, и рече има: “Поидита на Олговича на Святослава”, — и посла с ними сына своего Мъстислава съ переяславчи и съ берендѣи, рекъ

⁵⁰ Там же. С. 303.

⁵¹ Там же. С. 295.

⁵² Там же. С. 279.

⁵³ Летопись по Ипатскому списку. С. 297.

⁵⁴ Т. е. бежал с поля боя.

⁵⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 306.

⁵⁶ Там же. С. 232.

имъ: “Идите на нь, оже передъ вами не выбѣгнете, станьте же около его. Аче вы ся сътрудите, а я пакъ чѣль приду к вамъ, и стану около его...”⁵⁷.

В самом начале войны с Долгоруким Изяслав проявляет себя как одаренный военачальник, предложивший план войны на большом пространстве — от Новгорода до Переяславля Южного. Он объединил усилия с младшим братом Ростиславом и поручил ему вести боевые действия против Долгорукого на севере, имея в войске смолян и новгородцев. Сам же киевский князь остался на юге, дабы сдерживать Ольговичей и Давидовичей, используя одних против других⁵⁸.

К 1150 г. гражданская война на Руси достигла высшей точки. Изяслав к тому времени заручился поддержкой венгерского короля, что позволило ему наступать. Как и прежде, он ведет стратегические расчеты, предугадывает действия противника, учитывает реакции киевлян и жителей других городов. Оказавшись между войсками Долгорукого и его постоянного союзника Владимирка Володаревича галицкого, Изяслав собирает военный совет и обращается к русским князьям и венгерским воеводам с яркой речью, в которой трезво оценивает создавшееся положение на театре военных действий, предугадывает действия обоих противных князей и предлагает план ответных мер:

«Се Володимеръ по насъ идетъ, а мы сде стоимы... се Володимеръ за нами, а мало ли ны тотъ постигнетъ, а се другая рать перед нами Гюрги», поэтому необходимо перехватить инициативу, двинуться на Киев (в котором тогда сидел Долгорукий) и опереться на поддержку вооруженных киевлян. Князь предложил использовать и легкую конницу черных клобуков. Участники совета одобрили этот план, реализация которого привела к победе над войском Юрия и возвращению Изяслава на киевский стол⁵⁹.

По свидетельству Повести об Изяславе, князь обладал даром основательно подготавливать решающие сражения войны, что обеспечивало ему успех. В ходе самого сражения он часто принимал решения, неожиданные для соперника, чем вводил его в замешательство и пользовался плодами этого. Во время генерального сражения за Киев в 1151 г. сын Долгорукого Андрей со своим полком и союзной ему половецкой ордой решительно форсировал речку Лыбедь и ударил по войску Изяслава. Битва обещала быть упорной и длительной, но Изяслав Мстиславич, дабы отбросить легкую конницу врага и перейти в атаку, решил в ходе сражения перестроить боевой порядок своих войск: «Повелѣ нарядити дружину ис полковъ, а полковъ не рушати». Собранные в кулак лучшие воины князя стремительно атаковали противника: «И поткоша на нь вси, и черни клобуци отвсюда. И тако вбодоша ѣ в Лыбѣдь весде, инии же и брода грѣшиша, и тако избиша ѣ»⁶⁰.

Изяслав Мстиславич в Повести выступает также как военачальник, учитывавший не только стратегическую обстановку, но и природные факторы. Он видел, что на Днепре начинает таять лед (дело было весной), и предпочел отступить за реку перед силами коалиции чернигово-северских и рязанских князей, приведших половецкую орду⁶¹.

Как и подобает истинному полководцу, Изяслав Мстиславич выступает в Повести способным на военную хитрость, введение врага в заблуждение. В ходе боевых действий с Юрием Долгоруким и Владимирком Володаревичем, дабы оторваться от наседавшего войска галицкого князя и атаковать суздальского государя, он решил сняться с позиции ночью и «нача велѣти всимъ воимъ своимъ огни великыи класти, и тако накладъше огни, а сами поидоша черес ночь...»⁶².

Не чужд был Изяслав и всяческим усовершенствованиям военного снаряжения и техническим приспособлениям, облегчавшим достижение военного успеха. В решающем для него исход войны с Долгоруким 1151 году он оригинальным способом воспрепятствовал пришедшим тому на помощь половцам форсировать Днепр. Сражение между соперниками состоялось на реке, но воины Юрия не смогли

⁵⁷ Там же. С. 235.

⁵⁸ Там же. С. 245, 252, 253.

⁵⁹ Там же. С. 281, 282.

⁶⁰ Там же. С. 299.

⁶¹ Там же. С. 254.

⁶² Там же. С. 286.

добиться успеха, «бѣ бо исхитрилъ Изяславъ лодьи дивно»: гребцов на его лодках не было видно, они были защищены щитами из досок, наверху стояли бойцы в «бронях» (доспехах) и стреляли из луков. Чтобы не быть уязвимыми при поворотах, на каждой ладье было по два кормчих, — один на носу, а другой на корме, — «аможе хотяхуть, тамо поидяхуть, не обращающе лодий»⁶³.

Как и в Повести об Изяславе, герой Летописца Даниила Галицкого выступает в ней как храбрый воин, гордый рыцарь, умелый боец. Вероятно, это соответствовало истине. Уже в возрасте 18 лет он по поручению тестя Мстислава защищает Галич от врагов, и ему удается отстоять город от венгров и поляков. Но подстрекаемый боярами тесть (превращенный ими в свою игрушку) велит зятю уйти из Галича. Польско-венгерское войско вместе с изменниками-боярами погналось за ним. Юный князь остановился — и дал бой врагу, обратив его в бегство. Повествователь с гордостью пишет: Даниил «младъ сы и показа мужьство свое, и всю ноць бистася». Романович погнался за боярином Глебом Васильевичем, но тот смог убежать «борзости ради коньское». «Данилови же възвратившюся и единому едуцю межи ими (боярами. — Н. К.), онѣмъ же не смѣющимъ наехати на нь»⁶⁴.

Через несколько лет Романовичи приняли участие в сражении на Калке (1223 г.), в котором русские князья потерпели поражение от монгольской конницы Субедая и Джебе-Нойона. Автор Летописца пишет, как «Василкови же збоденьну бысть, а самому Данилу вбоденьну бывшю в перси, младства ради и буети и не чюша раны, бывшие на телесѣ его: бѣ бо възрастомъ 18 лѣтъ, бѣ бо силенъ...»⁶⁵. Это замечание повествователя, наряду с некоторыми другими свидетельствами Летописца, дало основания одному из исследователей приуменьшить возраст Даниила и даже объявить его... младшим братом Василька, что, на мой взгляд, вовсе не корректно.

Приуменьшение возраста героя относится к типичным приемам фольклорных рассказов о них. Вспомним, как во время осады Ольгой Искоростеня в 945 г. ее сын Святослав изображается в Повести временных лет, в соответствии с фольклорным каноном, маленьким мальчиком, неспособным даже бросить свое маленькое копьецо: «Суну копьемъ Святославъ на деревяны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, и удари в ноги коневи, бѣ бо детескъ»⁶⁶. В действительности же, Святославу тогда было не меньше 14–15 лет.

Воинское умение и храбрость Даниил демонстрирует на многих страницах его Летописца. Вот в битве с венграми 1232 г. «Даниль же вбодѣ копье свое в ратного, изломившю же ся копью, и обнажи мечь свой... Обнаживъ мечь свой, идущю ему брату на помощь; многы же язвини и инии же отъ меча его уморша»⁶⁷.

Уже в зрелом возрасте (ему было тогда сорок лет) наш герой, словно простой ратник, ожесточенно бьется в самой гуще сражения: «Даниил видѣвъ угрина, грядущаго на помощь Фили⁶⁸, кѣпиемъ сътче и, оружию, бывшу в немъ уломену спадесе, издѣше... Паки же Данило скоро прииде на нь (Фильния. — Н. К.), и раздруши полкъ его, и хоруговь его раздра [наполы]»⁶⁹.

Столь же храбрым и азартным рыцарем Даниил остался и в возрасте, по древнерусским меркам, вовсе преклонном. Зимой 1254/55 г. он воевал с ятвягами, балтскими племенами, досаждавшими северо-западной Волыни. Летописец любит его ратными подвигами: «Данилови же и Лвови (его сыну. — Н. К.) одинако надлежащимъ на ня и врыгшимъ сулицами, паки (ятвяги. — Н. К.) навратишася на бѣгъ».

Но как ни восхищается автор Летописца ратными свершениями Даниила Романовича, все же намного выше ценит его полководческое искусство, умение побеждать врага не числом, а умением, сохранять ясный ум и хладнокровие в самых критических положениях. А также его деятельность в качестве

⁶³ Там же. С. 293.

⁶⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 83.

⁶⁵ Там же. С. 86.

⁶⁶ Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и коммент. Д. С. Лихачева. СПб., 1999. С. 28.

⁶⁷ Галицько-Волинський літопис. С. 95.

⁶⁸ Бану Фильнию, командующему венгерским войском.

⁶⁹ Галицько-Волинський літопис. С. 108.

реформатора войска. Прежде, чем начать борьбу за возвращение Галицкой земли, Даниил Романович создает регулярную тяжеловооруженную пехоту, которой в те годы не имел ни один другой русский князь. Эта мобильная пехота (способная преодолевать форсированным маршем несколько десятков километров за день) помогла Даниилу выиграть все главнейшие сражения в его полководческой практике начиная с середины 30-х годов XIII в. Галицкий повествователь откровенно лобкуется «пешцами» князя: «...Въоружившимся пѣшцемъ из стана; щити же ихъ яко заря бѣ, шеломи же ихъ яко солнцю въсходящю, копиемъ же ихъ дрѣжащимъ въ рукахъ яко трости мнози, стрѣлцемъ же обаполы идущимъ, и дрѣжащимъ в рукахъ рожанцѣ⁷⁰ свои, и наложившимъ на ня стрѣлы своя противу ратнымъ»⁷¹.

Даниил реформировал также конницу, прежде всего собственную дружину. Это произошло уже в 40-е годы, когда он позаимствовал у монголов их легкое и надежное защитное снаряжение. Галицкий книжник описал его в рассказе о приходе князя на помощь венгерскому королю, собравшемуся воевать в Австрии: «Нѣмци же дивяшеса оружию татарьскому: бѣша бо конѣ въ личинахъ и въ коярехъ кожаныхъ, и людие во ярыцѣхъ...»⁷² Это снаряжение было изготовлено из толстой (бычьей) кожи, наверное, с металлическими накладками. Кожаные шлемы («личины») защищали головы коней, а попоны («кояре») — их тела. Точно так же всадники были в легких и прочных кожаных латах, вероятно, с металлическими накладками («ярыцах»).

Полководческое искусство Даниила Романовича представляет одну из доминант его Летописца в целом и повестей, его составляющих. Князь придерживался господствовавших тогда в Европе методов построения боевого и походного порядков войска, его структурного членения⁷³, неписанных правил ведения битвы (которые он, впрочем, в случае необходимости, нарушал).

Во время большой войны с ятвягами зимой 1254/55 г. Даниилу Романовичу помогали другие русские князья, мазовецкий князь Земовит и краковский — Болеслав. «И бысть рать велика, яко же наполнити болота ятвяжская полкомъ». Руководившие походом князья собрались на совет и предложили Даниилу Романовичу: «Ты еси король, голова всимъ полкомъ... вѣси бо ты войничьскій чинъ, на ратехъ обычай ти есть... изыде самъ напередъ». Галицко-волынский властелин на ходу перестраивает полки: «Даниль же, изрядивъ полкы, кому полкомъ ходити, самъ же еха въ малѣ отрокъ оружныхъ»⁷⁴.

Высшей точки (в изображении составителя Летописца Даниила Галицкого) полководческое искусство князя достигло в главном сражении его жизни: Ярославском в августе 1245 г. Тогда Ростислав Михайлович черниговский с венгерским и польским войском и отрядами галицких бояр двинулся на Русь. Навстречу ему из Холма выступили полки Даниила Романовича. Впереди, согласно канонам классического военного искусства той поры, шла «сторожа» (боевое охранение), далее авангард во главе с одним из лучших воевод Романовичей, дворским Андреем, на него было возложено задание разведки боем, дабы определить состав и количество воинов противника. За ними двигались основные силы галицко-волынского войска под командованием старшего Романовича. Форсировав реку Сан, Даниил перестроил полки в боевой порядок, и войско неторопливо («с тихостью») грозно двинулось на врага.

На том берегу реки легкая конница, первой ее перешедшая, не встретила сторожевых отрядов Ростислава и Фильния, командовавшего венгерским войском. Это дало возможность Даниилу занять выгодную стратегическую позицию, на которой он и встретил главный удар противника⁷⁵.

Даниил Романович прибег к нетрадиционной расстановке своих полков. Он ослабил центр, куда ударил отборный венгерский полк Фильния. Командовавший центром воевода Андрей, выполняя установку своего князя, медленно отступал под натиском превосходящих сил врага. Когда венгры и

⁷⁰ Арбалеты.

⁷¹ Галицко-Волинський літопис. С. 111.

⁷² Там же. С. 112.

⁷³ Котляр М. Ф. Военне мистецтво Давньої Русі. Киев, 2005. С. 134–139 и др.

⁷⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 117–118.

⁷⁵ Подробно о течении Ярославской битвы и ее результатах см.: Котляр М. Ф. Полководці Давньої Русі. С. 185–190.

боярские отряды углубились внутрь боевого порядка русских, Даниил стремительно ударил на них с флангов, а сам с отборной дружиной зашел в тыл венграм и завязал «мешок». Враг был смят, разрознен, его принялись уничтожать по частям⁷⁶. Так была одержана героем Повести важнейшая виктория в его полководческой карьере, после которой боярская оппозиция была сломлена, а Галицко-Волынское княжество, наконец, было объединено и консолидировано.

Составителю Летописца Даниила Галицкого все мило в его герое. Он восхищается его военными талантами, любит его внешним видом, рисуя образ идеального князя и рыцаря. Повесть сохранила единственное, кажется, в древнерусской литературе описание парадного военного одеяния русского князя: «Бѣ бо конь подѣ нимѣ дивленію подобенѣ, и сѣдло отъ злата жъжена, и стрѣлы и сабля златомѣ украшена, и иными хистростыи яко же дивитися, кожухъ же оловира грецького и круживы златыи плоскыи ошиты, и сапозы зеленого хъза шити золотомѣ»⁷⁷.

Создатель Повести об Изяславе не ограничивается восхвалением князя как воина и полководца. Он еще и дипломат. Ниже речь пойдет вовсе не о внешней политике, а о дипломатии внутренней. Вне сомнения, князь понимал, что одними военными средствами ему не решить все свои проблемы. Значительная часть феодального общества, князья и бояре, не признавала его права на киевский стол, полагая, что его дядья, Вячеслав и Юрий, имеют преимущество перед ним по обычаю «лествичного» восхождения. Поэтому с самого начала своего княжения в Киеве Изяслав Мстиславич заботится о придании своему правлению легитимного характера.

С этой целью он прежде всего стремится договориться с братом свергнутого им Игоря Ольговича Святославом и решает приблизить его к себе. По свидетельству Повести, Изяслав Мстиславич сразу же по занятии киевского стола «приведе к себе Святослава (Ольговича. — Н. К.) и рече: “Свой ми еси сестричичъ” — и поча водити подлѣ ся»⁷⁸, объявив того своим вассалом. Однако Святослав не покорился ему, а после заточения киевским князем его брата Игоря в «поруб» в Переяславле, «пославъ къ Юрьеву у Суждаль: “Брата ми Всеволода Богъ поялъ, а Игоря Изяславъ ялъ, а поиди в Русскую землю Киеву!”»⁷⁹. Это было объявление войны новому киевскому государю. Так начиналась пятилетняя гражданская война на Руси, в которую были ввергнуты почти все русские князья.

Изяслав Мстиславич в ответ противопоставил Святославу Ольговичу его двоюродных братьев Давидовичей, ранее обиженных его братом Всеволодом в бытность того великим князем киевским: «Томъ же лѣтъ ходи Изяславъ к Давыдовичема на снемъ, и рече има: “Поидита на Ольговича на Святослава”, и посла с ними сына своего Мъстислава...» к Новгороду Северскому⁸⁰. В течение всей войны Давидовичи будут поддерживать в основном Изяслава Мстиславича, а в неясных ситуациях один брат Владимир будет стоять на стороне Изяслава Мстиславича, а другой Изяслав — на стороне Святослава Ольговича и Долгорукого. Это был несомненный дипломатический успех киевского государя. Он разобщил ранее державшихся вместе чернигово-северских князей, ослабив тем самым и Юрия Владимировича. И в дальнейшем Изяслав Мстиславич дипломатическими средствами добивался успеха в соперничестве с Долгоруким.

Когда в 1149 г. Юрий Владимирович сумел захватить Киев, Изяслав был вынужден уйти в свой домен на Волынь и сразу же принялся создавать коалицию против Долгорукого: «Изяславъ же пришедь во Володимиръ, ся слати въ Угры къ зятю своему королеве и в Ляхы къ свату своему Болеславу, и Межцѣ, и Индриховѣ, и къ чesкому князю свату своему Володиславу, прося у нихъ помочи»⁸¹. Подмога чехов и поляков оказалась скорее символической, зато венгерский король Геза II столь действенно

⁷⁶ Галицко-Волынський літопис. С. 106–108.

⁷⁷ Там же. С. 112.

⁷⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 233.

⁷⁹ Там же. С. 234.

⁸⁰ Там же. С. 234.

⁸¹ Там же. С. 268.

начал помогать Изяславу, что его помощь в конечном счете привела к победе Мстиславича над Долгоруким и Владимиром галицким⁸².

Союзные отношения с Венгрией вскоре были укреплены еще и обычным способом тех времен, династическим браком: «Изяславъ, сгадавъ съ зятємъ своимъ королемъ и съ сестрою своею королевою⁸³, и пояша у бана [замуж] дчерь за Володимира [Изяславича], и послаша ю къ Изяславу напередь Володимиру»⁸⁴.

Вплоть до окончания гражданской войны на Руси действовал союзный договор между Изяславом Мстиславичем и Гезой II, отразившийся в дипломатической переписке между ними. В составе Повести об Изяславе пересказаны шесть писем венгерского короля к Изяславу, пять посланий киевского государя к Гезе и одно присланное из Венгрии Изяславу его братом Владимиром⁸⁵.

Как упоминалось, основной идеей Изяслава, отраженной в Повести о нем Киевской летописи, была идея отстаивания киевской и вообще южнорусской «отчины», обоснование законности владения ею. Эта мысль особенно четко выражена в обращенных к сыну Долгорукого Андрею словах изгнанного Юрием из Киева нашего героя: «Мне отчины въ Угрехъ и нѣтуть, ни в Ляхохъ, токмо в Русской земли...»⁸⁶

А в 1151 г. Изяслав совершил исключительно удачный политический шаг: объявил киевским князем старейшего Мономашича, своего старшего дядю Вячеслава Владимировича, чем выбил почву из-под ног Долгорукого, добивавшегося киевского стола для себя, будто не зная, что старший Мономашич — вовсе не он, а Вячеслав. Конечно же, воздав честь дяде, Мстислав сохранил верховную власть и сделал так, что простоватый Вячеслав сам предложил ему соправительство. Этот свой поступок он в следующих словах объяснил брату и сподвижнику Ростиславу: «Добыль есмь стрья своего и твоего Киевъ, тебя дѣля и всея дѣля Руския земля»⁸⁷ — все, мол, делалось ради Русской земли и тебя, брат! Хотя Изяслав на страницах Повести не столь уж часто упоминает об «отчине», все его действия в изображении ее автора подчинены отстаиванию «отчины». Это нетрудно понять, ибо тем самым Изяслав Мстиславич обосновывал законность своих притязаний на Киев и Русскую землю и владения ими.

Высокие дипломатические способности Даниила Романовича, его достижения в области внешней политики воспевают Летописец этого князя. Уже в начале самостоятельного княжения на Волыни, в 1220 г., он сумел нарушить направленный против него союз Польши с Венгрией. И в дальнейшем, когда они вновь объединялись, он в целом успешно противостоял им, используя не только военные, но и мирные средства. В те же 20-е годы XIII в. Даниил сумел противопоставить натиску краковского государя Лешка Белого союз с его конкурентом, мазовецким князем Конрадом. Лишь однажды, в середине 30-х годов, этот союз дал трещину, но уже к началу 40-х годов был восстановлен и соблюдался как Романовичами, так и детьми и внуками Конрада Мазовецкого.

Главным внешнеполитическим партнером Даниила и его брата был венгерский король. И Андрей II и его преемник Бела IV постоянно вмешивались в дела Галицко-Волынской Руси. Во времена борьбы Даниила за Галицкую «полуотчину», когда бояре призывали на стол разных слабых и покорных им князей, в Галиче подолгу сидел с гарнизоном венгерский королевич, поддерживаемый местными олигархами. Входя в Галич в те годы, Даниил изгонял его, но когда бояре вынуждали Романовича покинуть город и землю, тот вновь возвращался.

Решительный поворот в русско-венгерских отношениях произошел лишь в 1246 г., когда Даниил Романович сначала разбил у Ярослава венгерское войско, приведенное Ростиславом, а затем благополучно

⁸² См. об этом: *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 111–119.

⁸³ Геза II был женат на сестре Изяслава Ефросинье.

⁸⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 283.

⁸⁵ *Юрасовский А. В.* К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи // Древнейшие государства на территории СССР. 1981. М., 1983. С. 183.

⁸⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 281.

⁸⁷ Там же. С. 292.

вернулся из Орды от Батыея с ярлыком на Галицко-Волынское княжество. По свидетельству автора Летописца, тогда «присла король угорьский (к Даниилу.— Н. К.), ...река: “Поими дъщерь мою за сына своего Лва”». Повествователь просто объясняет внезапное предложение Бельи IV: «Бояше бо ся его, яко былъ бѣ у Татарехъ, побѣдою побѣди Ростислава и угры его»⁸⁸. Даниил принял предложение короля. В дальнейшем отношения между ними носили в общем мирный характер, с конца 40-х годов они совместно вмешиваются в Европейскую войну за австрийское наследство, которая, впрочем, не принесла успеха галицкому государю.

Дипломатическими средствами Даниилу Романовичу удавалось сдерживать агрессию со стороны польских и литовских князей и добиваться успеха в отношениях с ними. Вершиной дипломатической активности Даниила Романовича стали его переговоры с папской курией и коронация его венцом от престола св. Петра.

Папа Иннокентий IV в 1246 г. предложил Даниилу королевский венец, намереваясь получить от князя право насаждать католицизм в Галицко-Волынской Руси. Даниил осторожно отнесся к этому предложению и послал своего представителя, игумена Григория, в Лион, где тогда находился папский двор. Сразу же папа начал забрасывать Даниила письмами, в которых расписывал прелести пребывания под его рукой, — лишь в один день, 3 мая 1246 г., курия послала семь (!) таких писем. Галицко-волынский государь начал длительные переговоры с Иннокентием IV.

Из процесса развития событий можно сделать вывод, что галицко-волынский князь, надеясь опереться на папу и католический Запад в будущей борьбе за освобождение от ордынского ига, а также желая вернуть себе захваченные польскими и литовскими князьями земли, обещал папе некоторые уступки в конфессиональном вопросе. Однако из опубликованных документов Ватиканского архива и, главное, из самих действий папского престола ясно, что Иннокентий IV вовсе не собирался тогда бороться против Орды и Монгольской империи, а сделал акцент на латинизации русской церкви⁸⁹.

Из папских булл, адресованных Даниилу Романовичу, следует, что папа стремился насадить католицизм на Руси и действовал энергично и бесцеремонно: приказал архиепископу Альберту... принять от князей, бояр и духовенства присягу на верность римской церкви, да еще объявить на русских землях унию православной церкви с католической. Даниил Романович приказал не впускать архиепископа на его земли. Все же князь достиг на переговорах определенных политических выгод. Прежде всего, курия признала нерушимость православного обряда церковной литургии, законность прав Романовичей на их владения и др.⁹⁰

Однако главная для Даниила тема — организация отпора монголам — по вине папы в ходе переговоров осталась на втором плане. Лишь после того как недовольный их ходом князь прервал их в 1248 г., папский престол приложил немало усилий, дабы возобновить их и соблазнить Даниила лживыми обещаниями помочь ему отбросить монголов. Весной 1253 г. Иннокентий IV издал буллу, которой призвал христиан Польши, Чехии, Моравии, Сербии и Поморья к крестовому походу против Орды⁹¹. Это была демонстративная акция, призванная усыпить бдительность Даниила Романовича и согласиться на коронацию. Князья названных стран даже не отреагировали на папское обращение. Характерно, что лишь через год (!) папа поручил все тому же Альберту объявить в Пруссии поход на монголов. И вновь Иннокентий IV не дождался ответа от прусского государя.

Осенью 1253 г. папское посольство во главе с папским легатом Опизо прибыло к Даниилу: «Опиза же прииде вѣнецъ нося, обѣщеваеся, яко “Помощь имѣти ти отъ папы”». Но и в заключительной стадии переговоров с курией князь твердо придерживался главного условия соглашения о коронации:

⁸⁸ Галицко-Волынский літопис. С. 110.

⁸⁹ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л., 1959. С. 154.

⁹⁰ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 250.

⁹¹ Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae Gentiumque Finitimarum Historiam illustrantia. Ed. A.Theiner. Romae, 1860. T. I. № 107 (14 мая 1253 г.).

военной помощи католического Запада против Орды. Повествователь четко отразил тревожное настроение государя в вопросе о коронации: «Оному же одинако (все равно. — Н. К.) не хотящу, убѣди его мати его, и Болеславъ и Сомовитъ»⁹², и бояре лядьстии, рекуще: дабы приялъ вѣнецъ, “а мы ему на помощь противу поганымъ”»⁹³. Коронация состоялась в волыньском городе Дорогичине. Даниил, вероятно, решил дать бой Орде, не оглядываясь на Запад. Тогда к рубежам его княжества приближалась многочисленная орда одного из татарских полководцев Куремсы, и он в скором будущем начнет воевать с ним — и побеждать его.

В дальнейшем обе стороны не придерживались условий соглашения в Дорогичине. Папа так и не помог Даниилу в борьбе против татар. Даниил же не пустил в свою страну католических миссионеров и монахов, не выполнив даже своих минимальных уступок в конфессиональном вопросе. Отношения с курией были прерваны навсегда.

Отстаивание «отчины» принадлежит к главным идеям и действиям Даниила Романовича, — так же, как и Изяслава Мстиславича. Но если Изяслав стремится утвердить в мнении господствующего класса свои преимущественные права на киевское наследие, не отрицая при этом прав своих дядей-Мономашичей, то у Даниила нет сомнений в том, что Галицко-Волыньская Русь является его «отчиной» — и более ничьей. Изяслав Мстиславич толкует понятие «отчина» узко, применительно к Киевской и Волыньским землям, Южной Руси. Даниил же временами претендует (по свидетельству его Летописца) на то, чтобы объединить под своей рукой все южнорусские земли, рассматривая их, надо полагать, как «отчину» в расширительном смысле — ведь его отец Роман принадлежал к Мстиславичам, считавшим Киев своей «отчиной» и не раз занимавшим киевский стол!

Начав борьбу за возвращение Галицкого наследия своего отца, Даниил Романович, как свидетельствуют его дальнейшие действия, стремился объединить Южную и, быть может, всю Русь в целом. Ведь в изложении Летописца Даниила Галицкого сквозь черты его, казалось, традиционной политики собирания отнятой врагами «отчины» уже в первые годы самостоятельной политической деятельности вполне выразительно проступает стремление князя объединить русские земли с целью отпора иноземным захватчикам. Социально чуткое ухо молодого государя воспринимало идеи единства всей Русской земли, общности происхождения восточных славян⁹⁴.

Поэтому Даниил прилагает усилия сначала для отвоевания волыньской, затем галицкой «отчины» у Венгрии и Польши, а в дальнейшем и к организации отпора монгольским завоевателям. С этой целью он в 1246 г. основывает общерусскую митрополию в Галиче, ссылаясь, вероятно, на то, что формально общерусский митрополит в Киеве был под властью наместников Орды. Его избранником стал Кирилл, близкий Романовичам человек, «печатник» (канцлер) и полководец, о чем свидетельствует летопись. Это событие укрепило авторитет Даниила, сделав его первым среди русских князей того времени.

Одновременно Даниил Романович ищет союзников на Руси. В 1248 г. по решению Каракорума (столицы Монгольской империи) великокняжеский престол во Владимире-на-Клязьме достался младшему брату Александра Ярославича (Невского) Андрею⁹⁵. Он сразу же показал себя правителем самостоятельным, не желавшим кланяться Орде: не ездил туда за ярлыком, не посылал подарки хану, что всегда делали его предшественники и прочие князья.

Стремление Андрея Ярославича освободиться от монголо-татарского ига привлекло внимание Даниила, и галицко-волыньский князь предлагает ему союз и поддержку в будущей борьбе против оккупантов. Лаврентьевская летопись сообщает, что в 1250 г. галицкий митрополит Кирилл ездил во Владимир-на-Клязьме — подготовить брак Андрея с дочерью Даниила. Этот же источник

⁹² Болеслав краковский и Земовит мазовецкий.

⁹³ Галицко-Волыньский літопис. С. 116.

⁹⁴ См.: Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. С. 159–164.

⁹⁵ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1927. Т. I. Вып. 2. Стб. 470.

свидетельствует, что в том году «оженися князь Ярославичъ Андрѣй Даниловичю Романовича, и вѣнча и митрополить в Володимери у святое Богородици с епископомъ Кириломъ, и много веселья бысть»⁹⁶.

Однако в Орде пристально следили за действиями Андрея Ярославича. Его брак с дочерью сильного галицко-волинского государя вызвал ответные действия. Против Андрея послали сильное войско одного из Чингизидов Неврюя. В 1252 г. возле Переславля Залесского произошла «битва велиа, и одолѣша татарове, и побѣжа князь велики Андрѣй Суздальский, и с княгинею своею и з бояры своими, въ Новгородъ Великий...»⁹⁷. Так Даниил потерял единственного союзника на Руси, который мог бы помочь ему в сопротивлении монгольским ханам.

Даниилу Романовичу не удалось сбросить монгольское ярмо. Сочинители его Летописца всем ходом своего рассказа показывают, что обстоятельства оказались сильнее князя, «не приспе время» для решительного отпора завоевателям. Тем не менее, Даниил успешно боролся с монголами, не раз побеждал орду Куремсы, кочевавшую вблизи южных рубежей его княжества. Даниил подрывал силы врага и проложил путь будущим поколениям политиков. Его пример воодушевлял и Дмитрия Донского, и Ивана III.

Высокий стиль, эмоциональность, художественные средства и приемы выделяют Повесть об Изяславе среди прочих повестей в составе Киевской летописи. Эти меньшие по объему повести весьма неоднородны, среди них есть сочинения превосходных литературных достоинств, например Повесть об убиении Андрея Боголюбского и, конечно же, Повесть о несчастливом походе Игоря Святославича на половцев⁹⁸. Логично согласиться с давним предложением Грушевского рассматривать эти «исторические рассказы XII в. как особые литературные произведения, выделив их из общей категории летописания»⁹⁹. Это же предложено мною в отношении повестей Галицко-Волинского свода.

Я не случайно уделил столь много внимания разбору Повести об Изяславе Мстиславиче, находящейся в составе Киевской летописи XII в. Уже беглое сравнение ее с повестями, из которых, на мой взгляд, состоит летопись Галицко-Волинская, дает основания думать не просто о сходстве всех этих повестей, но о генетической преемственности и зависимости вторых от первых. Попытаюсь обосновать эту мысль.

Выше было высказано предположение, что Киевская летопись XII в. состоит в основном из повестей, соединенных летописными по форме и смыслу статьями, да и в тексте самих повестей эти статьи обязательно присутствуют, пусть даже для удобства изложения событий, соблюдения их последовательности и хронологии. Но эти летописные статьи занимают в своде весьма скромное место.

Дальнейший шаг в развитии летописной (включенной в свод) повести был сделан в Галицко-Волинском своде, составители протографа которого вообще отказались от традиционной летописной формы, лишь иногда вспоминая о ней, как видим это на некоторых страницах второй основной его составной — Волинской летописи. Так родился Галицко-Волинский свод, который до сих пор по традиции и привычке продолжают называть летописью.

Из текстов обеих повестей создается впечатление, что они объединены близкими по характеру изобразительными средствами, сходным набором качеств героя. Мне кажется, что повести Галицко-Волинского свода еще более, чем повести свода Киевского, противопоставят традиционному летописному тексту.

⁹⁶ Там же. Стб. 472.

⁹⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 138.

⁹⁸ См. о них подробно: Грушевський М. Історія української літератури. Київ, 1993. Т. III. С. 53–66.

⁹⁹ Там же. С. 66.